

От редакции. В преддверии XIII Международного театрального фестиваля современной драматургии им. А. Вампилова есть повод вспомнить о предыдущем, XII — тем более, что этот материал не был опубликован по прошествии события на страницах нашего журнала. Однако его содержание не устарело — напротив, тема поисков современного театра прозвучала по-новому, с учётом накопленных в последние годы театроведческих наблюдений. Впервые на одном из заседаний круглого стола было произнесено слово «ризома» — как образ и опознавательный знак современного искусства.

Что он в себе таит — об этом узнает любознательный читатель из заметок обозревателя фестиваля В. Семеновой.

* * *

Иркутским академическим драматическим театром им. Н.П. Охлопкова, в стенах которого проходит фестиваль, с особой основательностью (Год театра!) была подготовлена теоретическая часть, всегда присутствующая в программе вместе со спектаклями.

В круглых столах приняли участие пять известных российских театроведов и критиков, имеющих большой опыт в проведении федеральных, региональных и международных театральных фестивалей, и один из ведущих российских режиссёров: это Ольга Сенаторова, Павел Руднев, Лидия Богова, Анна Степанова, Ольга Игнатюк и Геннадий Тростянецкий. Можно сказать, состоялся большой семинар, охвативший вопросы творческого развития репертуарного театра, роль фестивалей и, конечно, пути современного театра.

Место есть всем

Лекцию Анны Степановой «Традиция и эксперимент в современном театре» можно назвать энциклопедической, настолько полно были охвачены все этапы развития театра: русского, советского, постсоветского. Но особенно хотелось бы больше узнать, что происходит именно на современной сцене, и удачно получилось, что на этой лекции побывали студенты иркутского театрального училища.

Изменений много: простое перечисление новых театральных форм способно утомить не слишком подготовленного читателя. Возьмём хотя бы основное, что отличает современный постдраматический театр от театра традиционного, драматического.

Самое главное, возникли совершенно иные принципы существования театрального искусства. Перечислим:

— отказ от системы духовной вертикали — пространства идеального мира, добра, света, где добро отделено от зла, что свойственно театру традиционному, в пользу горизонтали, т. е. приземлённости, обыденности существования;

— отказ от художественной и стилистической целостности;

— отказ от театра-кафедры (вспомним гоголевское: «Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра»);

— паритетные (равные) отношения с публикой;

— перформативность (современная форма спонтанного уличного театра);

— изменение системы горизонтального театра в сторону ризомы (об этом ниже);

— эксперимент в разнообразных видах: с историей и современной реальностью, с литературой (инсценировка / переработка классических пьес, литературный коллаж), с документом (вербатим), эксперимент со зрителями — они действуют наравне с актёрами и выбирают финал; с техническими средствами и т. д.

Теория теорий, но важны комментарии, объясняющие суть нового явления, поскольку зритель не всегда может разгадать замысел современной постановки и определить своё к ней отношение. И они были даны Анной Анатольевной по ходу лекции.

— *Сложность в том, что у нас одновременно присутствует и драматический, и постдраматический театр. И когда зритель попадает во второй, а смотрит на него глазами первого — он негодует, оскорбляется, пишет жалобы. Но не надо толкаться, место есть всем...*

Отказ от системы духовной вертикали связан с трагедиями XX века. «Бог умер», — сказал Ницше. Массовая гибель людей в газовых камерах — этого Бог не мог допустить. Отказ от целостности — рваная реальность, рваные сцены, мелкое рядом с великим. Отказ от театра-кафедры — «Я сам ничего не понимаю». Мы входим в метро и не знаем, выйдем из него или нет. Попытка выразить жизнь в адекватных ей формах — задача постдраматического театра. Вот вы приходите в традиционный театр, а вам режиссёр Пупкин, не прочитавший и двух книг, будет рассказывать «с кафедры», в чём суть жизни. Своими плохими спектаклями он будет меня учить — я начинаю бунтовать!

Сегодня, когда в обществе возникли тесные горизонтальные связи, когда люди обретают желание равенства, хотя бы сохранить своё достоинство, избежать манипуляции над ними в реальности — постдраматический театр отвечает их чаяниям. Ведь драматический театр на самом деле — великий манипулятор, он должен подчинить публику себе, чтобы она, как сказано, засмеялась одним смехом и заплакала одними слезами — какая атака на мозг и чувства! Постдраматический театр отказывается от этого. Недавно появился спектакль, который я хочу обязательно посмотреть — в нём попытка отказаться от режиссёра! Режиссёра, который манипулирует артистами, которые затем манипулируют публикой — публике манипулировать нечем! Постдраматический театр старается систему манипуляции заменить паритетной, горизонтальной. Идея кардинальная, согласитесь.

Что касается системы горизонтали, то она существенно меняется. Появляется понятие ризомы. Что это? Все видели цветущее болото: цветут зелененькие клубеньки, образующие слой, от них идут волосяные ниточки к другим клубенькам, и это живые организмы, связанные ниточками воедино.

(Необходимое пояснение: если традиционно культура имеет образ дерева, по аналогии с деревом жизни, у которого есть корень, ствол, ветви, и растёт оно вверх,

то ризома, пер. с фр. — корневище — принадлежит к низшим споровым растениям, например, водоросль. — В. С.).

— ...В идее постдраматического театра ризома — одно из важнейших понятий. Подобное происходит и с человеком, связанным многими нитями с другими людьми, образуется плотный слой — социальный, духовный, ментальный, и на нашем уровне цивилизации мы все действительно пребываем в таком положении. И именно эта картина является основной в постдраматическом театре.

Постдраматический театр не средство воспитания, а средство самопознания зрителя. Это программа: мы пытаемся понять реальность...

В зарослях ризомы

Несмотря на хлынувший на слушателей шквал отказов и вал экспериментов, дискуссии не возникло, да она и не предполагалась. Разве что на лекции Павла Руднева «Как меняется современный театр: его методы и смысл» вспыхнула недолгая полемика между многоопытным режиссёром Г. Тростянецким и лектором, современным театральным критиком, по вопросу новизны документального театра.

Я охотно согласилась с Анной Степановой, когда услышала фразу «Не надо толкаться, место есть всем». Но практика скоро охладила мой оптимизм: вот уже кончается блокнот, а список театров, желающих сказать новое слово, всё продолжается и продолжается. Попутно мелькнуло: а вдруг каждый театр потребует отдельного помещения, то хватит ли на всех места, к примеру, у нас в Иркутске?..

Несколько озадачил и пример с режиссёром Пупкиным. Нетрудно представить, как в его убогом спектакле тщится заявить о себе некая кафедра — это просто смешно! Любая пьеса немедленно превратится в фарс. Но представим того же режиссёра Пупкина, взявшегося перекраивать классическую пьесу на свой лад — не выйдет ли тот же самый фарс!

Больше всего понравилась перспектива эксперимента «отказ от режиссёра» — как высшая степень режиссёрской свободы от всего на свете, в том числе и от профессии. Перст судьбы?!

Но самое интересное — это, конечно, ризома. В ней, в корневище, или в запутанной водоросли человек должен ощутить своё достоинство, почувствовать себя свободным от всякого давления, от унижающих манипуляций его сознанием — такое возможно ли? Что может навевать образ ризомы творческой личности? Пожалуй, куда как легче дышать рядом с деревом, слушать шелест его кроны, мысленно устремляться за его ветвями к небу, солнцу, дивиться его силе или сопереживать слабости...

Но это уже нечто поэтично-романтическое, а нас окружает непредсказуемая действительность. Не лучше ли обратиться к какому-нибудь философскому труду, например двух французских авторов Жюль Делеза и Феликса Гваттари «Капитализм и шизофрения». В нём есть отдельная глава, посвящённая как раз ризомам. Там вы найдёте совет, как воспринимать мир в её системе.

Однако простые вопросы так и не уходят. Если духовная вертикаль отменяется, а вместе с ней и мир идеалов, то с чем остаётся горизонталь? Свято место, говорят, пусто не бывает. На чём же будут держаться связи между людьми? Не будет духовности, значит, вместе с ней и совести — не воцарится ли примитивный материальный интерес, а вместо благородных чувств — животный инстинкт?

Ну да, традиционный театр такой деспот! Он же внушает и внушает: не гонись за деньгами, особенно незаработанными! Не предавай, не хитри, не заносись, не обижай слабых и т. д. и т. п. Так отдохнём наконец от диктата!

А ризома в своих зарослях, да ещё болотных, не задушит?!

Но довольно. Нет смысла затевать спор там, где смысл отменён изначально.

Много чего на свете происходит, приходит и уходит. Но пока процесс разгоняется, надо сколько-нибудь позаботиться о зрителе. Предлагаю взглянуть на него как на потребителя, что весьма современно. Потребитель имеет право при покупке продукта / товара получать информацию, из чего он состоит. Например, читаем на упаковке: «Натуральный сок из яблок... Не содержит ГМО», «Хлопок — 30 %, вискоза — 70%».

Потребуется всего одна строчка в афише. Под названием спектакля, допустим, «Ромео и Джульетта», добавить: «Не содержит отклонений от авторского замысла», или, напротив: «Три сестры» — вольная фантазия режиссёра (с указанием имени), или «Спектакль с психологическим погружением зрителя в самого себя (дополнительная услуга)», «Спектакль без слов» и т. д. Чтобы театрал сразу понял, на что идёт, покупая билет. И после не возмущался: «Опять обманули!» Это всего лишь защита прав потребителя, а заодно и прав автора пьесы.

Живой театр: набраться терпения

За семь дней фестиваля в Иркутске сыгран двадцать один спектакль, участники — российские столичные, региональные, а также зарубежные театры. Упомяну те, что вызвали повышенный интерес зрителей и театроведов.

«**Старший сын**» по пьесе А. Вампилова Центрально-халхийского музыкально-драматического театра им. Н. Норовбанад из Монголии в постановке заслуженного деятеля искусств Монголии С. Ариубиямбы был высоко оценён столичными критиками. «Живой театр», «абсолютно авантюрный, но непосредственный», «Сарафанов — лицо наивного человека, чистая душа», «все очень скоры на действие», «яркие краски в костюмах — краски мечты» — в таких выражениях прозвучали отзывы Геннадия Тростянецкого и Ольги Игнатюк.

На спектакле «**Зулейха открывает глаза**» — сценарий Гузель Яхиной, Ярославы Пулинович, режиссёр Айрат Абушахманов, Башкирский ордена Трудового Красного Знамени академический театр драмы им. Мажита Гафури — зал был переполнен ещё и потому, что с романом Яхиной под тем же названием, написанным на основе семейного предания, иркутянам довелось познакомиться ещё в 2016 году. Тогда после встречи с молодой писательницей на Литературных вечерах «Этим летом в Иркутске» многие приобрели её книгу.

В спектакле, выдержанном в национальном колорите и сыгранном на башкирском языке (зрители слушали перевод в наушниках), были переданы характеры главных героев, нешаблонно изображённые автором романа — забитой в семейном быту крестьянки Зулейхи, высланной из татарской деревни в Сибирь во время раскулачивания, и Ивана Игнатова, офицера ОГПУ. Эта история о том, как представитель репрессивных органов разделил судьбу спецпереселенцев, поскольку оказался человеком с совестью. Спасал их как мог, ноотрез отказался от предложения своего начальника Зиновия Кузнецца имитировать бунт в посёлке: расстрелять несколько человек, доложить наверх о подавлении бунта и получить

звёзды на погоны. За что был разжалован из комендантов. И ещё о том, как страх и ненависть вытесняются любовью, неожиданной для Зулейхи и невозможной в тех обстоятельствах, и как Иван смиряется с её решением. Обе линии представлены убедительно, и зрители высоко оценили качество постановки своими аплодисментами.

Тёплые отзывы о «**Земле Эльзы**» Иркутского академического драматического театра им. Н.П. Охлопкова по пьесе Ярославы Пулинович побудили посмотреть этот спектакль уже после фестиваля.

Могу засвидетельствовать: на Камерной сцене театра предстала остроумная пьеса в такой же остроумной постановке Дмитрия Акимова, она продолжает идти с большим успехом (билетов было не купить за два месяца вперёд). Возвышенность чувств, проникновенно переданная исполнителями (в главных ролях народная артистка России Наталия Королёва и заслуженный артист России Александр Булдаков), — остро сталкивается с крайней прагматичностью ближайшего окружения. Эта острота смягчается юмором, яркими сценическими приёмами и живой игрой актёров.

Добавлю сюда и опыт своего зрительского переживания, до некоторой степени драматический: это как раз тот случай, когда в одном спектакле сошлись без ущерба традиция и эксперимент.

«**Старший сын**» Новокуйбышевского театра-студии «Грань» в постановке режиссёра Дениса Бокурадзе проходил тоже в камерном формате. Зрители сидели на основной сцене, на расстоянии вытянутой руки от актёров.

Вначале привычное раздражение вызвали так называемые вневременные костюмы и декорации. Общая мягкость семьи Сарафановых была выражена в тёплых бежевых тонах льняно-шерстяного антуража, метафора, прямо скажем, не особо замысловатая. И это беганье артистов по сцене — излюбленный штамп современного, особенно молодёжного театра. Набираюсь терпения (неудобно выходить, сидим в тесноте из-за близко стоящих стульев), смотрю дальше.

И вдруг обнаруживаю, что вслушиваюсь в каждое слово драматурга Вампилова и получаю от этого огромное удовольствие! — будто давно-давно его не слышала. Какой же это язык! Умный, изящный, весёлый! И как точно интонируют текст актёры. Значит, они всё правильно понимают! Да и характеры вполне вампиловские, пусть Васенька выглядит старше, а Бусыгин слишком много поёт современных песен, чем убавляет собственное присутствие. И хотя Сосед в исполнении Василия Ярова будто из другой пьесы, зато Кудимов в его же исполнении вполне на своём месте. И эта придуманная деталь, как он, уходя, долго и тщательно завязывает шнурки, попутно устраивая обувь гостей в неукоснительном порядке, она органична, потому что вписывается в логику характера. И вполне ожидаемо в финале, как заметили на обсуждении, вырастает оратория «Все люди братья», объединяющая и зал, и сцену.

Забылись декорации — осталось чувство благодарности за верно схваченный смысл и дух пьесы.

Стало быть, слово ещё живо, жив и театр. А ризома — так ли уж страшна? Глядишь, пройдёт и ризома — перемелется как-нибудь...